

РИКАРДО

RICARDO PALMA

Ricardo Palma

ПАЛЬМА

И ДРУГИЕ

**Вице-король еретик
и хитрый звонарь**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОКИДЬШЕВЪ И СЫНОВЬЯ

Орасио Кирога

**«Вице-король еретик и
хитрый звонарь», «Охота
на тигра», «Расплата»...**

«СОЮЗ»

Кирога О.

«Вице-король еретик и хитрый звонарь», «Охота на тигра»,
«Расплата»... / О. Кирога — «СОЮЗ»,

ISBN 978-5-60-554529-3

Совершите незабываемое литературное путешествие вместе с лучшими произведениями выдающихся латиноамериканских авторов прошлого столетия. Мануэль Бернардес, Хуан Карлос Давалос, Альсидес Майя, Хавьер де Виана, Альфонсо Эрнандес Ката, Рикардо Пальма – благодаря этим именам латиноамериканская литература стала популярна во всем мире, предоставив читателям возможность ближе познакомиться с огромным разнообразием тем и стилей повествовательного искусства испаноязычных стран.

ISBN 978-5-60-554529-3

© Кирога О.
© СОЮЗ

Содержание

Рикардо Пальма	6
Мартиниано Легисамон	11
Хавьер де-Виана	14
Карлос Рейлес	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Рикардо Пальма, Мартиниано Легисамон, Хавьер де-Виана и другие Вице-король еретик и хитрый звонарь, Охота на тигра, Расплата и другие

В сборник вошли следующие произведения:

Рикардо Пальма – ВИЦЕ-КОРОЛЬ ЕРЕТИК И ХИТРЫЙ ЗВОНАРЬ

Мартиниано Легисамон – ПОСЛЕДНИЙ УДАР

Хавьер де-Виана – ОХОТА НА ТИГРА

Карлос Рейлес – ПРИМИТИВО

Магон – СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

Мануэль Бернардес – РАСПЛАТА

Хуан-Карлос Давалос – В ЛЕСУ

Альфонсо Эрнандес Ката – НА ГРАНИ

Альсидес Майя – СТАРАЯ ИСТОРИЯ

Орасио Кирога – ВНИЗ ПО ТЕЧЕНИЮ

Роберто Пайро – ЛЕТНИЙ ПЛАЩ

Доминго Сармиенто – ПОЕЗДКА НА ОСТРОВ РОБИНЗОНА

© ИП Воробьев В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

WWW.SOYUZ.RU

Рикардо Пальма

Вице-король еретик и хитрый звонарь

(Хроника времен семнадцатого вице-короля Перу)

I

Колокольный звон и удары бичом. В 1552 году церковь и монастырь братьев-августинцев стояли на том самом месте, где ныне находится приходская церковь св. Марсело.

На свое теперешнее место они были перенесены в 1572 году, не без долгих споров и пиратств с доминиканцами и прочими монашескими орденами, не желавшими водворения новых конгрегаций.

Благодаря строгости нравов, трудолюбию и учености, августинцы вскоре заняли видное место среди прочих орденов. Во владение их мало-помалу перешли обширные земли как в черте города, так и за его пределами; они так хорошо управляли своим имуществом и извлекали из него столько доходов, что меньше чем через сто лет уже могли раздавать бедным ежегодно на страстной неделе по пяти тысяч пиастров.

Из их среды вышли выдающиеся богословы и знаменитые проповедники. Из семинарии св. Ильдефонсо, основанной ими в 1606 году для подготовки послушников, вышел ряд знаменитых вождей церкви.

В 1656 году Хорхе Эскойкис, молодой человек лет двадцати, уроженец Лимы, был принят послушником в монастырь августинцев. Однако, так как он предпочитал учению забавы, святые отцы, не желавшие терпеть в своей среде ленивцев, решили исключить его. К счастью, он нашел защитника в лице одного из монахов и не был изгнан из монастыря. Ему поручили высокий пост звонаря.

В богатых монастырях у звонарей бывало по двое подручных, носивших рясы послушников. Должность звонаря была не из плохих: занимавший ее сверх шести пиастров жалованья получал еще стол и квартиру. Кроме того, он пользовался двойной привилегией: ходить постоянно с грязными руками и неограниченно распоряжаться своими помощниками.

Во времена вице-короля графа Чинчона капитул монастыря августинцев в Лиме постановил учредить должность звонаря, возвещавшего о наступлении часа, когда должны быть погашены все огни (должность эта через полстолетия была уничтожена). Звонарь, возвещавший о наступлении этого часа, принадлежал к числу членов монастыря, и его единственной обязанностью было звонить в колокола на колокольне собора в девять часов вечера ежедневно. Это была почетная должность, которой многие добивались и вознаграждение за которую достигало пиастра в день.

Впрочем, должность эта была далеко не отдыхом, так как, если существовало в Лиме ремесло утомительное и требовавшее большой затраты энергии, то это было ремесло звонаря. В эпоху владычества испанцев религиозные празднества были многочисленны, и каждый раз, когда гонец из Испании возвещал чудесную весть, у молодого инфанта прорезался последний зубок или что он благополучно перенес корь или коклюш, колокола всех церквей неумолкаемо звонили по меньшей мере три дня подряд.

В 1577 году Филипп королевским декретом воспретил производство экипажей в Америке и одновременно запретил ввоз их из Европы. Употребление экипажей было воспрещено с той целью, чтобы все лошади, которых в то время было еще очень мало, служили исключительно нуждам армии. Ослушникам грозила суровая кара. Этот декрет, отмененный только

Филиппом IV, к 1650-му году начал становиться лишь мертвой буквой закона. Мало-помалу с развитием роскоши вошло в обычай иметь лошадь и экипаж; всем известно, что во времена Амата, царственного любовника Периколы, тысячи блестящих карет соперничали друг с другом в день св. Франциска в Аламеда де-лос-Дескальсос.

Звонарю и его помощникам, беспрестанно дежурившим на колокольне, было вменено в обязанность звонить во все колокола каждый раз, как архиепископ или вице-король покажутся на маленькой площади перед монастырем. Этот обычай удержался до времен маркиза де-Кастель дос-Риус.

У вице-короля графа Альба де-Листа, как читатель увидит в дальнейшем, были достаточные основания остерегаться попов. Как-то случилось, что в одно из воскресений он отправился в своей карете, в сопровождении всей свиты, нанести несколько визитов. Грохот кареты в те времена был событием столь значительным, что обитатели Лимы, полагая, что слышат шум, предшествующий землетрясению, в страхе устремлялись на улицу из своих жилищ. Карета пересекла небольшую площадь св. Августина. Быть может, звонарь и его помощники находились в отсутствии? На молчаливой колокольне не шелухнулся ни один колокольный язык. Это невнимание раздосадовало его светлость. В тот же вечер вице-король упомянул об этом обстоятельстве, не совсем справедливо возлагая вину на настоятеля августинцев. Последний, узнав об этом, тотчас же лично явился принести свои извинения вице-королю, который был его близким другом. Было произведено расследование. Звонарь, не желая сознаться, что покинул свой пост, заявил, что видел карету, но не счел нужным звонить в колокола, так как полагал, что вице-король еретик и недостойн того, чтоб ради него потрясать священную медь.

Как видите, случай этот был совсем обратный тому, что рассказывают про епископа Карлоса Марсело Коми, посвященного в этот сан в 1621 году. Этот прелат, прибыв в Трухильо, где он родился и епархией которого ему предстояло управлять, воскликнул:

– Если эти колокола звонят так весело, то потому, что они мне отчасти сродни; их отлил мой отец.

Он сказал правду.

Проступок звонаря мог повлечь за собой серьезнейшие конфликты между монастырем и представителем короля. Звонарь был сочтен заслуживающим сурового наказания, а приведенное оправдание было объявлено вздорным; этому ли презренному ворону надлежало судить со своей колокольни о поведении вице-короля и его неладах с инквизицией? И в виде возмездия каждый из монахов, вооруженный плетью, нанес ею удар по обнаженным плечам Хорхе Эскойкиса.

II

Вице-король еретик

Его высокопревосходительство дон Луне Эприкес де-Гусман, граф Альба де-Листа и де-Вилья-Флер, отпрыск королевской династии Арагона, был первым грандом Испании и прибыл в Перу с титулом вице-короля. Это было в марте 1655 года, после его пребывания в Мексике, где он занимал ту же должность. В верховном управлении Перу ему предшествовал граф Сальватьерра, приходившийся ему племянником. Хотя граф Альба де-Листа был способным администратором и человеком для своего века передовым, его управление оставило по себе память в истории рядом непрерывных катастроф. Шесть лет его управления были шестью годами слез, траура и неурядиц. Корабль, увозивший в Испанию под командой маркиза де-Вильяррубиа около шести миллионов золотом и серебром и сверх того шестьсот пассажиров, потерпел крушение на скалах у перуанского берега. Было спасено всего 45 человек. В Лиме не

было почти ни одной семьи, которая не потеряла бы кого-либо из близких. По чьей-то частной инициативе удалось извлечь из моря около тридцати тысяч пиастров, из которых, согласно закону, треть поступила в казну.

Годом позже, в 1656 году, маркиз де-Байдес, чилийский губернатор, возвращался в Европу с богатым грузом на трех кораблях. Потерпев поражение в стычке с английскими корсарами недалеко от Кадикса, он предпочел поджечь пороховую камеру своего корабля, чем сдаться врагу.

Затем эскадра дон Пабло Контрерас, вышедшая из Кадикса, и сопровождавшая в Перу караван судов, была рассеяна бурей и потеряла шесть кораблей.

Но самой ужасной катастрофой было землетрясение, разрушившее Лиму в ноябре 1655 года. Рассказы современников подробно описывают это бедствие; во множестве организовывались искупительные процессии, и самые закоренелые грешники обращались на путь истины. Умы пришли в такое смятение, что – неслыханное дело – большое количество воров возвратило законным владельцам украденные у них деньги.

15 марта 1657 года новое землетрясение, продолжавшееся более четверти часа, наполнило ужасом Чили. Если ко всему этому прибавить грозное извержение Пичинчи в октябре 1660 года, то нельзя не признать, что управление этого вице-короля было отмечено самыми зловещими предзнаменованиями.

Как бы для того, чтобы еще более увеличить охвативший всех ужас, в 1660 году появилась знаменитая комета, которую наблюдал дон Франсиско Луис Лосано, ученый из Лимы, первый выдающийся перуанский астроном.

И для того, чтобы еще более сгустить краски этой мрачной картины, часть страны была охвачена гражданской войной. Индеец, по имени Педро Бооркес, бежавший из тюрьмы в Вальдивии, поднял знамя восстания и провозгласил себя наследником инков. Он велел короновать себя и стал во главе собранной им армии, но был побежден, взят в плен и отвезен в Лиму, где его ждала виселица.

Ямайка, бывшая до тех пор испанской колонией, была захвачена англичанами и превратилась в гнездо пиратов, в течение полутора веков непрерывно тревоживших окрестные страны.

Вице-король граф Альба де Листа не пользовался любовью жителей Лимы. Он был равнодушен к религии, и народ в своем фанатизме обвинял его в том, что он навлек на Перу гнев небес. Хотя он и содействовал тому, чтоб университетом Лимы, ректором которого был тогда знаменитый Пинело, было торжественно отпраздновано получение послания папы Александра VII о непорочном зачатии пресвятой девы Марии, его попрежнему звали «вице-король еретик», прозвище, распространению которого не мало способствовал известный иезуит, отец Альоса. Однажды, в какой-то праздничный день, когда его превосходительство присутствовал на богослужении в церкви св. Петра, проповедник жестоко отчитал его за то, что он рассеянно внимал слову божию и разговаривал с соседом.

Как-то раз архиепископ Вильягомес шествовал в процессии тела Христова под балдахин. Когда вице-король сделал ему по этому поводу замечание, он покинул процессию. Король Испании не оказал предпочтения ни той ни другой стороне, постановив, что отныне ни вице-король ни архиепископ не имеют права на балдахин. Альба де-Листа воспротивился посвящению отца Киприана Медины под предлогом, что папская грамота, облакавшая его саном епископа Гваманги, не в порядке. Архиепископ в полночь явился в церковь семинарии св. Франциска и посвятил Медину. Тюремные надзиратели посадили в тюрьму писцов духовного трибунала, отнесшихся к ним непочтительно, и архиепископ отлучил их от церкви. Вице-король, опираясь на поддержку суда, приказал снять отлучение, наложенное его высокопреосвященством.

У Альбы де-Листа было немало споров с архиепископом из-за права распределять церковные бенефиции. Эти споры способствовали тому, что он прослыл в глазах фанатичной толпы за плохого христианина, тогда как на самом деле он лишь ревностно охранял интересы короны. Дон Луис Энрикес де-Гусман имел также несчастье быть в открытой вражде с инквизицией, в те времена столь всесильной и грозной. Вице-король в числе прочих запрещенных книг привез с собой из Мексики какое-то сочинение Гильермо Ломбардо, родом голландца. Он показал его из-под полы одному агенту инквизиции, и тот донес на него.

В день Пасхи, в то время как его превосходительство находился в соборе, окруженный всеми властями, уполномоченный инквизиционного трибунала поднялся на кафедру и прочел указ, приглашающий вице- короля выдать запрещенное сочинение и предоставить в распоряжение инквизиции своего врача, Цезаря-Николая Вандье, подозреваемого в лютеранстве. Вице-король покинул церковь в страшном негодовании. Он отправил Филиппу IV жалобу, должным образом мотивированную. Последовали длительные расследования. Король положил им конец, осудив образ действия инквизиции, но в то же время дружески увещевая Альбу де-Листа выдать клочок бумаги, послуживший причиной раздора. Что же касается французского врача, то граф сделал все, что мог, чтоб спасти его от когтей кровожадных мучителей. Но вырвать жертву у святой инквизиции – дело не легкое. 8 октября 1667 года, после восьми лет заключения в подземельях инквизиции, Вандье должен был всенародно искупить свои прегрешения. Помимо прочих мифических преступлений он был обвинен в том, что под личиной благочестия держал у себя распятие и изображение пресвятой девы, оскверняя их своими кощунствами. После сожжения преступника на костре (осужденный, по счастью, избежал котла с кипящим маслом) в Лиме три дня длились молебствия, искупительные процессии и прочие религиозные церемонии, закончившиеся перенесением поруганных священных предметов из собора в церковь дель-Прадо, где, по нашим предположениям, они находятся и поныне.

В августе 1661 года, сдав управление страной графу Сантистебану, Альба де-Листа возвратился в Испанию, довольный, что покидает страну, где он подвергался серьезной опасности быть сожженным как еретик.

Ш

Месть звонаря

Несомненно, что Эскойкис не так-то легко мог забыть удары ремнем. Он молча поклялся, что отомстит вице-королю, придающему столько значения нескольким ударам колокола.

Не прошло и недели со дня наказания, как вдруг однажды, около часа пополудни, колокола августинского монастыря громко и настойчиво зазвонили. Все обитатели Лимы высыпали на улицу, недоумевая, какую необычайную новость мог возвещать медный голос колоколов.

Его превосходительство дон Луис Энрикес де-Гусман, хоть его и нельзя еще считать по этой причине развратником, ухаживал за одной дамой, принадлежавшей к местной аристократии. После десяти часов вечера никто в Лиме не отваживался выходить на улицу. Тогда вице-король осторожно пробирался через потайную дверь, выходящую на улицу Беззащитных. Переодетый в маску, он отправлялся в сопровождении своего дворецкого к красавице, пленившей его сердце. Он проводил несколько часов в ее восхитительной близости и тайком возвращался во дворец после полуночи, соблюдая такую же осторожность.

На следующее утро весь город знал, что причиной неуместного звона была ночная прогулка вице-короля. По этому поводу на паперти собора было немало толков и разговоров. Все это были лишь сплетни и предположения. В конце концов восторжествовало мнение, что господин граф этой ночью присутствовал на каком-либо тайном собрании еретиков. Никто не мог

допустить, чтобы столь знатный сановник, подобно молодому влюбленному, мог предаваться украдкой ночным похождениям, облакаясь в маску и прибегая к уловкам контрабандистов.

Но его превосходительство не дал себя провести. Предполагая, что это нескромное разоблачение было делом рук звонаря, он приказал тайком привести его во дворец. Запершись с ним с глазу на глаз, он сказал:

– Каналья, кто сообщил тебе этой ночью о том, что я проходил мимо?

– Ваше превосходительство, – отвечал Эскойкис, ничуть не смутившись: – в моей башне есть совы.

– Черт побери! При чем тут совы?

– Вашему превосходительству, находящемуся не в ладах с инквизицией, должно быть известно, что колдуньи по временам принимают вид сов.

– Так разве это- основание для того, чтоб вызывать скандал, пробуждая весь город своим проклятым трезвоном? Ты отъявленный негодяй, и я не знаю, что мне мешает отправить тебя в тюрьму.

– Было бы недостойно вашего превосходительства наказывать так сурово столь неповинного человека, как я, который к тому же никогда не осмелится сообщить кому бы то ни было о ночных прогулках вице-короля Перу по улице св. Себастьяна.

Граф не нуждался дальнейших объяснениях, чтобы понять, что его тайна, равно как и репутация знатной дамы – зависели от скромности звонаря.

– Ладно, ладно, – прервал он его: – постарайся попридержать свой язык, и пусть твои колокола будут также немые.

– Я сохраню про себя все, что знаю, и буду нем как могила. К тому же я не люблю вещать всему миру о делах моих ближних. Но там, где затронута честь моих колоколов, я не могу ничего обещать. В этом я не уступлю. Мастер, отливший их, не предназначал их для прославления ночных прогулок и таинственных походов. Если вы, ваше превосходительство, не хотите их слышать, то есть средство очень простое: не проходите впредь по маленькой площади, и все пойдет как по маслу.

– По рукам. Теперь скажи, чем я могу быть тебе полезен.

Хорхе Эскойкие, который, как видит читатель, никогда не лез за словом в карман, попросил вице-короля ходатайствовать за него перед настоятелем, чтобы тот вновь принял его в семинарию. Его превосходительство обещал это, и, несколько месяцев спустя, настоятель августинского монастыря снял звонаря с его должности. Его таинственный покровитель был так внимателен, что в 1660 году отец Хорхе Эскойкие служил свою первую мессу в присутствии самого вице-короля – еретика. По словам одних, Эскойкис остался простым монахом и не поднялся выше чина священника. По словам же других, он достиг в своем монастыре самых высоких должностей.

Одно лишь на мой взгляд несомненно, а именно то, что вице-король, страшаясь чересчур громогласной нескромности колоколов, впредь избегал проходить по маленькой площади, когда направлялся на любовные свидания на улице св. Себастьяна.

Мораль этой истории такова, что людям нередко приходится прибегать к услугам и ниже себя стоящих.

Мартиниано Легисамон

Последний удар

В уголке одной из клубных гостиных несколько человек спорило по поводу новой, только что вышедшей книги по отечественной истории.

– Книга для обольщения глупцов, – догматично и торжественно заявил, глядя почти задорно, один из собеседников.

– О, – любезно заметил другой: – с такими косными воззрениями мы возвратимся к 1840 году... И именно история этой злосчастной эпохи должна быть подвергнута пересмотру, вне всех страстей, которые она в свое время возбуждала. Только четкое исследование, бесстрастное, кропотливое, направленное к отысканию истины, установит всю правду.

Разговор стал оживляться и, оперируя грубыми фактами, этими неумолимыми врагами, не знающими пощады, собеседники в зависимости от их политической окраски старались оправдать федералистов или унитариев.

Съежившись в широком кресле около печки, весьма почтенного вида старик внимательно следил за спором, смягчая подчас улыбкой те непомерные преувеличения и ту условную ложь, которая вырывалась резкостью суждений.

Этот человек, очень культурный, происходивший из старого креольского рода, обладавший испытанным мужеством и всеобщим уважением, был свидетелем, а порою и действующим лицом некоторых эпизодов, о которых шел спор. Кто-то обратился к нему с вопросом. И он спокойно и просто, стараясь ни на шаг не отступить от истины и согласовать свое повествование с воскрешаемой в памяти эпохой, рассказал следующее:

– Ах, жестоки они были к побежденным в те времена! Но уверяю вас, «езде варятся одинаковые бобы», как говорит испанская пословица. Судите сами, – сказал старик, дрожащей рукой мешая уголья в камине.

Потом наполовину закрыв глаза, словно там в ночи воспоминаний он видел разыгравшиеся перед ним сцены, он продолжал:

– Это было в 1842 году; я служил тогда под командой Ориба, который во главе федеральной армии выступил из Тонелеро, чтобы сразиться с союзными войсками Риверы и Эрре, и Лонес, захватившими Энтре-Риос.

«Мы скоро достигли берега Арройо-Гранде, где стоял неприятель, и тут завязалось одно из самых кровопролитных сражений, которые значатся в анналах наших гражданских войн. К наступлению ночи армия захватчиков была совершенно разбита. Несколько сот трупов лежало на поле, политом кровью стольких славных мужей; большое количество пленных, артиллерии и военного снаряжения, в том числе и расшитый мундир Риверы, досталось нам в руки.

В группе пленных офицеров было много аргентинцев, которым вменялось в преступление то, что они, по понятиям эпохи, были врагами отечества; они обвинялись в том, что служили сепаратистскому честолюбию Риверы, стремившегося расчленив нашу территорию, отняв от нее провинции Энтре-Риос и Корриентес. К ним никакого снисхождения, наказание самое жестокое: четыре пули, при звуках утренней зори, за измену. Таков был краткий и ужасный приговор победителя, когда выяснилась их роль. Отряд, которым я командовал, назначен был выполнить эту казнь, и, так как несчастные оказались в моем распоряжении, я старался предоставить им по крайней мере все, что было возможно при этих обстоятельствах.

Покорные судьбе, но гордые, некоторые из них ограничились тем, что поблагодарили меня.

Один из них, самый молодой в этой группе, мужественное лицо которого встает в моей памяти, когда я думаю об этой варварской сцене, подошел и заявил мне, что хочет поговорить

со мной. Я видел его накануне вечером, когда мы преследовали врагов; на усталой лошади, без какого-либо оружия, кроме шпаги, он храбро отбивался от окружавших его и собиравшихся его прикончить уланов.

– Капитан, – сказал он мне, когда мы отошли на несколько шагов от гауптвахты – вы человек благородный, и я могу доверить вам тяжелое поручение. Есть только два существа, которые будут оплакивать мою смерть: моя бедная мать и больная сестра, за которую та ухаживает. У них небольшой участок земли на реке Тунас и дом при дороге, недалеко отсюда. Вам не трудно будет доставить им последнюю память обо мне... И если вы можете оказать им какую-либо помощь, сделайте это из сострадания, потому что я был их единственной поддержкой...

Он расстегнул блузу, снял с шеи образок, с волнением поцеловал его и передал мне. Последние слова он произнес дрожащим голосом, скрывая глубокое смущение; в них звучали мужественная скорбь и такая героическая покорность, что меня растрогало его горе, и я, не думая о том, что может произойти, протянул ему руку и быстро сказал:

– Такие люди, как вы, не должны умирать. Сегодня ночью, когда будут идти приготовления к казни, станьте последним; мои солдаты будут стрелять мимо, бросьтесь на землю и притворитесь мертвым, а когда войска продефилируют мимо казненных, доползите кустарником до этого пригорка, спрячьтесь, а потом бегите к Уругвайскому берегу, до которого тут недалеко; лошадь, которая будет оставлена для вас, вынослива и хорошо плавает...

Вернув ему образок, я сделал знак, чтобы он присоединился к товарищам и не давал повода к каким-либо подозрениям, а сам пошел отдавать распоряжения насчет казни.

Я предупредил сержанта и четырех стрелков, к которым питал полное доверие, что им надо было делать. Солдаты, против обыкновения, сидели вокруг костра молча. Ясно было, что горе несчастных спирало им горло; ведь, может быть, вчера, еще несчастные сражались под одним знаменем с ними и в минуту опасности вселяли в них мужество тем бодрым криком, которым встречает смерть благородный воин...

Ночь лежала в торжественном безмолвии. Ощущение пустынности и неуверенности витало над лагерем, из которого, как бы подчеркивая невеселый тон картины, доносились время от времени хриплые, как жалоба, голоса перекликавшихся часовых.

Вдруг раздался протяжный и жалобный зов трубы. Тотчас же другие, ясные, острые звуки отозвались вдали из кавалерийской дивизии и стали перекликаться, как голоса в темноте. В центре затрещали барабаны, и мгновенно все разрозненные звуки слились в одно целое, в ту воинственную музыку, которую безмолвно слушают полки. Играли зорю. Я взглянул на пленных. Их спокойные взгляды, в которых горела какая-то гордость, встретились с моими; только во взгляде моего молодого знакомого была тоска, которой не было у других.

Я улыбнулся, чтобы ободрить его, но он скорбно покачал головой, словно тяжелая тревога овладела им. Неужели он сомневался в моих словах? Или это было зловещее предчувствие?

Однако нельзя было терять времени: побледневшее небо предвещало близкий рассвет, и малейшее опоздание могло сделать бегство невозможным.

Отряд мой был готов; по моему знаку четыре стрелка выступили вперед, и как только первого пленного поставили к стволу дерева, раздался залп; человек опустился на землю с простреленной грудью. Хриплый стон на кровавой пажити, глухой звук раздираемого свинцом мяса, словно последняя жалоба уходящей жизни и одной жертвой, приносимой жестокости того горестной памяти времени, больше. Такова была картина, которая никогда не изгладится из моих воспоминаний...

Подошел в свою очередь и молодой человек; он расстегнул блузу, обнажил грудь, в которую надо было целить, и уставил на меня темные зрачки, в которых отражалось огромное страдание, и снова покачал головой, как бы прощаясь со мной.

Я протянул шпагу по направлению к пригорку и голосом, прерывавшимся от волнения, крикнул:

– Пли!

Прозвучал залп, слабый и глухой, как звук ракеты, и молодой человек свалился с совершенно бледным лицом.

Я немедленно велел отряду промаршировать и, обернувшись назад, в пепельно сером тумане зари с ужасом увидел всадника, неподвижно державшегося в своем мундире с золотым воротником и присутствовавшего при казни, с лицом сухим и с бесстрастным, с холодным металлическим взглядом гадюки.

Несколько в стороне группа адъютантов неподвижно ожидала распоряжений.

Это было мгновение такой тоски, которой я не забуду всю жизнь. Я как сейчас вижу жест и позу этого мясника судьи и чувствую дрожь во всем теле, когда вспоминаю повелительный звук этих губ, которые открылись, наконец, чтобы сказать мне странным ледяным голосом, в котором звучала жуткая ирония:

– Капитан, мне кажется, что этот человек не совсем умер; прикончите его, чтоб он не страдал напрасно!

И, с ужасом повинувшись этому взгляду и этому голосу, я подошел к телу несчастного, которому я тщетно хотел спасти жизнь, приложил к его виску дуло пистолета и раздробил ему череп.

Хавьер де-Виана

Охота на тигра

Ложбина всегда считалась опасным местом: полицейский надзор был в ней слаб и весьма затруднителен, грабежи и всевозможные преступления всегда были в ней явлением весьма заурядным; но с тех пор, как страна была охвачена гражданской войной, жизнь в этом уголке стала исключительно жуткой.

Весьма скудные полицейские отряды были мобилизованы и присоединены к оперировавшим в районе войскам. Из мужчин, населявших провинцию, часть стала на сторону правительства и вступила в войска, часть примкнула к повстанцам; прочие искали убежища в горах или за границей. В опустевшей округе остались лишь женщины, дети и старики, слишком дряхлые даже для того, чтоб погонять лошадей.

Ложбина, расположенная в дикой, причудливой местности, куда нелегко было проникнуть войскам, осталась во власти разного рода хищников. Горный хребет, невысокий, но крутой, поросший дремучим лесом, терном и кустарниками, замыкал долину с севера и с востока, являясь неприступной стеной для тех, кто не знал запутанных и редких тропинок, извивавшихся среди скал и кустарников.

С запада и с юга долину окаймляла река, зарождавшаяся на склонах горного хребта; на вид маленькая и невзрачная, в действительности она была очень опасна. Нигде нельзя было перейти ее вброд; и лишь в трех-четырех местах всадник мог переправиться вплавь.

Чтобы добраться до подножия гор, нужно было пересечь большое болото, тянувшееся вдоль реки на всем ее протяжении. Это было одно из тех опасных болот, в которых пышно разросшиеся водоросли и осока преграждают дорогу путнику скрывая под собою предательские топи, в которых находят гибель неблагоразумные. За этой первой линией обороны расположен был огромный, непроходимый лес, а за ним река, которая то пенилась в неистовом бешенстве, то широко разливалась по своему топкому руслу, еще более опасному, чем разъяренный поток.

Таковы были окрестности долины, усеянной лесистыми скалами, казавшимися обломками горного хребта и придававшими еще большую дикость этим местам.

Жили здесь бедняки, возделывавшие маленькие поля маиса и пасшие небольшие стада. Обычно они не особенно страдали от разбойников, для которых Ложбина являлась неприступным гнездом, где жители укрывались сами и куда они укрывали добычу, награбленную в более богатых округах. Но война увеличила население сьерры и прилегавшей к болоту местности, так как сюда нахлынуло множество буйных бродяг, которым не зачем было теперь стесняться с беззащитными жителями долины.

В числе пришельцев был белокурый Сантос Лейва, вождь разбойничьей шайки, прославившийся своими преступными подвигами и беспримерной жестокостью. Его прозвали Тигром, и, действительно, как физическим, так и моральным своим обликом он оправдывал это прозвище.

Маленькая головка с покатым лбом, короткое и широкое лицо, торчащие скулы, жесткие челюсти, черные, глубоко сидящие глаза, коварный предательский взгляд, большой рот с тонкими губами и жесткими, блестящими усами – все это придавало ему необыкновенное сходство с кровавым хищником. Его характер находился в полном соответствии с этой внешностью. О нем рассказывали невероятные вещи. Это был, прежде всего, сатир, но сатир извращенный, находивший наслаждение в том, чтоб терзать своих жертв величайшими муками, изысканными нравственными пытками.

Несчастные женщины Ложбины не напрасно дрожали от страха в ожидании неизбежных бед. Уже не одну из них измучил, не над одной из них надругался развратный разбойник.

Каждый день приносил беззащитным новые страхи, и когда они доили коров или раздували в очаге уголья, глаза их со страхом озирали горизонт, не мелькает ли где-либо наглый силуэт Тигра.

Хесус-Мария один из первых записался добровольцем в войска. Его ранчо было расположено на скалах среди черных, густо переплетенных кустарников, колючих, как зависть, и не поддававшихся огню, которому он не раз пытался предать их. Ранчо Хесуса-Марии было одним из самых жалких в округе, но Альбина, его молодая жена, была свежа и красива, как самая свежая и самая красивая маргаритка, возросшая в расселине скалы, среди благоухающих лугов клевера.

Она была наивна, как горный родник, и добра, как овечка. В сердце ее жили только две глубокие привязанности: к мужу и к отцу. Ее отец, старик Дионисио, некогда вел жизнь, богатую опасными приключениями, и многочисленные шрамы, испещрявшие его тело, свидетельствовали о том, что он был не из робкого десятка и что было время, когда он был примером для мужчины и своей безграничной отвагой вселял страх в окружающих. Но теперь он был уже стар. Уходя на войну, Хесус-Мария сказал ему:

– Я должен идти. Я не один, я-в стаде и должен следовать за бубенчиком вожака.

Старик ответил:

– Ступай.

– Уйду я или останусь, участь моя будет та же; лучше идти туда, куда несет меня попутный ветер...

– Ступай!

– Я сожалею только, что мне приходится оставить Альбину одну; но так как, все равно, я не мог бы уберечь ее...

– Ступай!

И Хесус-Мария ушел, поцеловав на прощанье Альбину и старика Дионисио. Первое время в молчаливом, притаившемся среди кустарников жилище жизнь текла по-прежнему; но злой судьбе угодно было, чтоб однажды Тигр открыл убежище двух беззащитных существ.

Он привязал свою лошадь у соседней опушки и, спешившись, осторожно подошел к дому, возле которого Альбина, присев на корточки, лушила маис для ужина. Разбойник, оставаясь незамеченным, стал оглядывать ее. Она показалась ему свежей и привлекательной. Не теряя времени на пустые слова, он с животной грубостью бросился к ней, обхватил ее стан и крепко поцеловал. Она испуганно вскрикнула и затряслась всем телом, парализованная, полумертвая от страха.

– Стройна и робка, как газель? – лукаво спросил Тигр.

И так как Альбина ничего не ответила, он ласково, но вместе с тем повелительно произнес:

– Жди меня сегодня ночью, сокровище! В девять часов восходит луна, и так как теперь полнолуние, – я смогу досыта налюбоваться твоим царственным телом...

Он еще раз поцеловал ее, выпустил из объятий и, отступив на несколько шагов, сурово добавил:

– До скорого, слышишь!

С подвижностью дикого хищника он затерялся среди скал и кустарников.

Когда дон Дионисио вернулся домой со своим старым ружьем за плечами и с несколькими куропатками в правой руке, уже смеркалось. Едва он взглянул на лицо Альбины, его взор омрачился, и он глухо проговорил:

– Тигр уже забрался сюда?

– Отец! – пролепетала она.

И она рассказала ему все, что произошло.

Старик молча выслушал ее, подумал минуту и спросил:

– Он сказал, что в девять часов?

– В девять!

– Ладно, времени хватит...

Он бросил на пол своих куропаток и молча вышел из комнаты. Когда он вернулся, было уже темно.

– Ужин готов, – сказала Альбина, тревожно глядя на него вопросительным взором.

Дионисио спокойно ответил:

– Давай, будем ужинать, у меня есть еще время!

– Время? Для чего, отец?

– Да для того, чтоб отвадить его.

Поужинав, старик взял свою дочь за руку и приказал ей:

– Ты хорошо знаешь овраг в кустах... Ступай туда, хорошенько спрячься и жди.

– Но, отец, – взмолилась она, – Тигр разыщет меня там.

– Не разговаривай, ступай!.. В молодости я подстрелил не одного тигра, пожалуй, мне и теперь удастся распороть брюхо молодому ягуару. Ступай...

Альбина покорно вышла.

Дон Дионисио остался на кухне; он уселся на череп быка, медленно потягивая матэ и покуривая.

Время шло.

Вдруг на пол маленькой комнаты упала чья-то тень. Старик не шевельнулся.

– Добрый вечер! – раздался резкий голос.

– Добрый вечер! – ответил дон Дионисио, поворачивая голову. – Не угодно ли вам войти?

– Где дочка? – повелительно спросил разбойник.

– Альбина? Она ушла.

– Ах, так! Она ушла?

С этими словами он намотал на руку ремень своей большой, оправленной в серебро плети и угрожающе шагнул по направлению к старику.

Тот, не смущаясь, продолжал:

– Да, сеньор... Она очень редко выходит, особенно по вечерам... Но сегодня она мне сказала:

– Отец, я пойду в Большую Пещеру набрать трав для одного парня, который хочет лечиться ими. Если он придет, скажи ему, что я жду его там...

– Вот оно что! – удовлетворенно воскликнул разбойник. – А где же эта Большая Пещера?

– Да совсем близко... Я покажу вам.

– Они вышли из дома, и Дионисио указал ему. – Идите по этой тропинке, когда дойдете до полянки сверните налево, за ней, за большими камнями пещера.

Разбойник поколебался было одно мгновение. Но ему не стоило большого труда убедить себя в том, что никто не может причинить ему какого-либо вреда, что никто в этой долине, населенной женщинами, детьми и стариками, не сможет справиться с ним, и он пошел в указанном направлении.

* * *

Следуя указаниям старика, Тигр подошел к пещере. Он снова заколебался было, отступил назад и осмотрелся. Не обнаружив ничего подозрительного, он обнажил кинжал и вошел в темную пещеру. Однако едва он сделал несколько шагов, раздался собачий лай. Он быстро повернул к выходу, но там столкнулся с целой сворой собак, которую науськивал на него дон Дионисио:

– Бери, Барсик!.. Бери, Лиса!.. Бери, Лев!..

Бандит отбивался, размахивая кинжалом, но когда ему удалось отогнать собак, на него обрушился град камней, и десятка три женских голосов стали осыпать его бранью, проклятиями и угрозами.

Сантос Лейва спрятался в тени среди кустарников; однако очень скоро, негодующий, взбешенный этим издевательством над ним, он вскочил на скалу, грозно размахивая кинжалом в одной руке и пистолетом в другой. Почти полная луна ярко освещала его.

Старый Дионисио только этого и ждал, и в то время, как собаки продолжали заливаться неистовым лаем, а женщины заглушали их лай своими криками, он спокойно прицелился из ружья, выстрелил...и разбойник упал с простреленной грудью.

* * *

Дон Дионисио, скромно отбиваясь от расточаемых ему похвал, сказал как-то несколько дней спустя:

– Есть о чем толковать. Со сворой хороших собак, с надежным ружьем и с твердым сердцем на тигра может охотиться всякий.

Карлос Рейлес

Примитиво

Примитиво окинул восторженным взглядом мощные спины баранов.

– Вот бы мне несколько таких! Выгодное дельце... А этот... а? Вот таких мне и надо!

И, повалив одного барана, он ухватил его за ногу.

– Какая прекрасная порода! У него было очень густое руно, большая голова и короткие ноги.

Примитиво снял пончо и запустил свои жесткие пальцы в шерсть на спине барана, потом ощупал бока и, наконец, быстрым, привычным движением выдернул несколько волосков шерсти и принялся рассматривать их против света.

– Отличная выющаяся прядь, – сказал он.

И, обратившись к хозяину, который с улыбкой смотрел на него, он спросил:

– А этот, дон Хуан, он тоже из «соленых»?

– Еще бы! Вы только посмотрите на него, один из самых чистокровных. Но у меня есть и подешевле...

– Нет, хозяин, я собрался с силами и решил уже не льститься на дешевку, – ответил крестьянин, засмеявшись наивным смехом ребенка, довольного своей шалостью.

– Молодец, Примитиво, правильно решил!

– Что поделаешь? Надо рисковать; кто не рискует – тот ни с чем и остается.

В восторге от того, что он приобретет несколько экземпляров этих прекрасных животных, он почувствовал потребность стать откровеннее. А может быть ему хотелось усыпить свои собственные сомнения, и поэтому он стал объяснять присутствовавшим все выгоды, которые он получает, покупая племенных баранов.

Всякий раз, когда ему приходилось делать лишние расходы, он считал долгом оправдывать свой поступок. Он был человеком простодушным. Между тем хозяин взглянул на номер и клеймо выбранного барана.

– Ну, для тебя, так и быть, уступлю его за тридцать пять.

Примитиво стал сосредоточенно вычислять что-то:

– Шерсть сотни овец, – считал он, – но починка загонов... и приплод. Одного ягненка я продал... – и, закинув за спину кнут, который носят погонщики скота, он предложил: – послушайте, дон Хуан, ведь я человек бедный! Уступите за тридцать, я возьму троих.

Они долго торговались и наконец дон Хуан, который по-настоящему уважал этого работающего и честного соседа, уступил. Примитиво, не скрывая своей радости, снова залез в стадо баранов. Он не чувствовал, как раздвоенные копыта наступали ему на ноги, как толкали его крепкие загнутые рога; он шупал одного, запускал пятерню в руно другого, внимательно рассматривал складки на коже у третьего, который был подальше. Хозяин ласково улыбался.

«Ну, а теперь мне пора домой, и поскорее. Только бы не случилось со мной беды...» – подумал он, затягивая потуже пояс. Какая-то тревога мелькнула в его глазах.

* * *

Медленно возвращаясь домой по холмам и равнинам, останавливаясь время от времени, чтобы дать отдых своим баранам, он строил радужные планы и давал волю своему воображению, пока не ощутил легкой тошноты от бродившего в нем напряженного счастья.

Его овцы не отличались хорошими качествами, и необходимо было улучшить их; теперь, с притоком хорошей крови, он надеялся быстро достигнуть улучшения.

И он улыбнулся от удовольствия.

Потом с чувством наслаждения, которое испытывает озябший человек, добравшийся до очага, он стал воспроизводить в памяти все те затруднения, какие ему пришлось преодолеть, чтобы скопить скромную сумму денег, давшую ему возможность избавиться наконец от рабства наемного труда и начать работать самостоятельно. И, глядя на мохнатые макушки баранов, он снова видел себя ребенком, идущим за телегой и убаюкиваемым монотонным скрипом оси. Сколько холодных утр! Сколько ночей под открытым небом! Потом он вспомнил себя здоровым двадцатилетним парнем, который брался за любую работу: возчика, погонщика стад, за стрижку овец; в двадцать пять лет он работает сдельно на большой ферме и наконец сам становится фермером и владельцем нескольких овец, которые быстро размножаются, благодаря его заботливому, почти отеческому уходу.

Да, Примитиво умел работать! Когда ягненок, потерявший мать, дрожал от холода и голода, он нежно укутывал его своим пончо и приносил в ранчо; там у огня ягненок оживал, а Примитиво растирал его, давал ему молока с коньяком. Это повторялось так часто, что Примитиво ходил всегда окруженный множеством ягнят, которые прыгали вокруг него так весело, словно паслись на лугу вместе с матерью. Примитиво гладил их, вытаскивал репейник из их шерсти, а по вечерам водил их на пруд, чтобы дать им пощипать зеленой и сочной береговой травы.

Казалось, что за это они были особенно благодарны ему; на обратной дороге они становились у него между ног, кусали его широкие штаны или мешали ему пройти, вставая перед ним с дерзким видом и смотря на него большими, веселыми, лучистыми глазами. И Примитиво, видя их такими здоровыми и резвыми, сам испытывал чувство глубокой и чистой радости, расширявшей его грудь.

Если, осматривая загоны, он замечал, что какой-нибудь новорожденный ягненок слишком слаб, он опрокидывал мать, чтобы раскрыть ей сосцы, скрытые под слипшейся шерстью. Во время грозы он запирали свои стада; он оберегал их от бича овец – сагауйпе [*Личинка, паразитирующая на печени овцы – Здесь и далее примеч. переводчика*], заставляя их во все времена года лизать куски соли. Летом Примитиво ходил со своим стадом по холмам или по берегам ручьев, где трава была нежнее и где овцы запасались здоровьем.

Какой-то человек, скакавший галопом ему навстречу, прервал его мысли. Когда тот приблизился, он подумал:

«Это – брат. Что там случилось?».

Всадник был нарядно одет, и Примитиво продолжал думать:

«Да, этому хорошо. Он не работает и проводит время в забавах, у него всегда найдутся монеты в поясе, серебряный кинжал и красивые пряжки.. А у меня...» – И, надвинув шляпу на глаза, он ждал.

Брат Примитиво был образцом опасного гаучо. У него было худое безбородое лицо индийского метиса; нижняя челюсть была широкой, как у охотничьих собак, и взгляд хитрый. Однако он мог нравиться, когда, улыбаясь, показывал свои белые зубы. Он никогда не работал и жил азартными играми. Он называл себя вождем белых и слыл среди своих хабрецом. Может быть, благодаря этой репутации, он пользовался успехом у женщин и без зазрения совести брал у них деньги, когда капризное счастье изменяло ему за зеленым сукном. Помимо всего, это был человек не склонный к унынию. В самые трудные моменты у него не переводились деньги, он никогда не терял своего вида праздного и независимого парня, его гордость и самонадеянность не уменьшались. У него была гибкая фигура и выпуклая грудь, он любил принимать дерзкие, почти вызывающие позы.

Братья не любили друг друга: в их жилах текла разная кровь. Отец Примитиво, мирный и работающий чужестранец, умер с душой преисполненной ненависти к человеку, укравшему у него жену и усадьбу. Похититель стал отцом Хайме. Оба сына были похожи каждый на сво-

его отца. У одного были мирные добродетели народов, укрощенных долгими десятилетиями тяжелого труда; у другого – привычки человека, рожденного во время войны, коварство и хитрость преследуемого бандита и философия бродяги – черты, характеризующие тип гаучо лет пятьдесят тому назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.